

собственный труд, во второй раз побывал в Афинах и собрал здесь обширную коллекцию надписей и зарисовок монументов. Это случайное совпадение во времени двух важнейших явлений топографической науки в двух крупнейших столицах античного мира свидетельствует по меньшей мере о взаимосвязи духовных течений тогдашнего мира. Это — волна первых научных импульсов, обращенных из Рима в Афины, это и итальянский антиквар, практически заново и в то же самое время открывший для Запада античные Афины. Самое любопытное здесь кроется в том, что человеком, который исследовал древний город и описал его чудеса и достопримечательности, оказался не афинянин, не грек. Новое открытие Афин стало делом человека Запада: труд поистине запоздалый, как и все, что связано с Афинами. Таким образом, оба фрагмента об Афинах оказались относящимися к одному и тому же периоду, ставшему объектом научной топографии. Они появились на три века позже, чем описание достопримечательностей Рима. Топография как наука возникла в Афинах в середине XVII в., главным образом — на основе работ французских капуцинов, изучавших монумент Лисикрата, и исследований Спона и Уилера.

Поскольку уцелели только те фрагменты описаний достопримечательностей Афин, которые в свое время были изучены Кириаком, я придерживаюсь мнения, что самое появление там этого выдающегося человека оказало громадное влияние на дальнейшие опыты по научному описанию города. Ученые итальянцы, такие, как Ауриспа, Филельфо и Джуарино, побывали в Константинополе, чтобы там, на месте, изучать греческую литературу, нам же не известен никакой другой иностранец, за исключением Кириака, который посетил бы Афины. Этот человек, носитель греческого языка, друг крупнейших ученых Италии, появился в Афинах как представитель образованности стран Запада. На самих афинян произвело сильное впечатление, когда они принялись копировать надписи, обмерять древние монументы, изучать античные монеты и артефакты, собранные им.